

ДЕЛО ПО ЗАХВАТУ «МЕРКАНТЕ АРМЕНО» КОРСАРОМ
ДЕ БУРЛЕМОНОМ

(Из истории борьбы армянского купечества против пиратства)*

Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

Обосновывая право на перемену флага, Бурлемон очевидно стремился, с одной стороны, отвлечь внимание армян, увести их в сторону от этого опасного для него вопроса, а с другой стороны подготовить заранее, на всякий случай, путь к отступлению, ибо он не без оснований опасался, что армянам удастся доказать факт захвата их судна под французским флагом.

Армянские купцы не дали ввести себя в заблуждение рассуждениями Бурлемона о праве на смену флага. Основывая свою правовую стратегию как в вопросе подсудности дела адмиралтейству Франции, так и по его существу на том, что приз не мог быть и не был осуществлен на основании английского каперского патента, на том, что он, напротив, был осуществлен на основании французского каперского патента и под французским флагом, армяне представили суду ряд свидетельских показаний. Тот факт, что «упомянутый сир шевалье де Бурлемон при взятии армянского корабля находился под флагом Франции», подтвердили находившиеся на борту три армянина. Кроме их свидетельств в деле были также должным образом оформленные показания капитана судна Нулса и английского купца Фоукера. Этот факт подтверждался также свидетельствами незаинтересованных лиц—тулонских купцов, показавших, что корабль Бурлемона «Принцесса Эмилия» покинул Тулон и вернулся с призом в этот порт под французским флагом. Наконец, в деле были два нотариально заверенных свидетельства служивших на корабле самого Бурлемона солдат Леграна и Франсуа Сикара о том, что его корабль во время приза «Мерканте Армено» находился под флагом Франции¹.

Хотя Бурлемон пытался ослабить силу этих свидетельских показаний, утверждением, что это были показания «третьих» или «четвертых» лиц, именно это говорило об их объективности. Поэтому после того, как этот факт стал очевидным, Бурлемону не оставалось ничего другого, как воспользоваться заранее подготовленными позициями: он стал вновь развивать тему о праве на ложный флаг, но уже не как гипотетическую возможность, а как оправдание своих фактических действий. С присущей ему самоуверенностью он утверждал, что «уже доказал ясно выраженными положениями права, что разрешено использовать любую хитрость, чтобы застигнуть противника врасплох». Он поучает, что такого «рода хитрость называется *bonus dolus* и она может быть применена не только безнаказанно, но и со славой»². В подтверждение Бурлемон ссылается на авторитет Гуго Гроция, «который согласен с тем, что разрешается пользоваться ложным флагом с целью захвата вражеских судов»³.

* Начало статьи см. в № 2 за этот год.

¹ Nouvelle mosaïque orientale, Paris, 1923, Appendice III, p. 288; VI, p. 251, 252; VII, p. 263.

² Там же, App. VII, p. 264.

³ Там же, p. 265.

Но юридическая аргументация армянских купцов была искуснее, чем рассчитывал Бурлемон: они обвиняют его не просто в обманном использовании «чужого», «ложного» флага, а в использовании французского флага именно на основании французского каперского патента. Армяне понимали, что имея французский каперский патент, Бурлемон не мог представлять флаг своей страны как «чужой» и «ложный». Против Бурлемона говорило и то, что он оставался под французским флагом как во время взятия приза, так и после—при доставке судна во французский порт. Хотя международное право того времени допускало пользование «ложным» флагом военными кораблями в качестве «военной хитрости» при преследовании, оно оговаривало, что перед открытием огня преследователь должен поднять настоящий флаг, чтобы дать преследуемым возможность добровольно подчиниться требованию о проверке. Не выполнив это условие, Бурлемон тем самым подтверждал, что его настоящий флаг—французский.

Более того, армянские купцы доказали, что захват Бурлемоном их судна под французским флагом не был единичным случаем в его пиратской практике. Под французским флагом и на основании французского каперского патента его военный корабль—«Принцесса Эмилия» захватил суда «Золотой сокол», «Св. Мария», «Счастливец приключение». Свидетельства, что Бурлемон совершил свои призы под французским флагом и на основании французского каперского патента, были представлены и с голландского судна «Пророк Самуил», захваченного на следующий день после захвата армянского⁴.

Отрицать неправомочность захвата этих судов Бурлемону было трудно. Ведь брать эти судна на основании полномочий английского короля он не мог, ибо не было возможности сослаться на английские связи, а после нескольких категорических подтверждений нейтралитета Франции во внутренней борьбе в Англии, последовавших после захвата армянского судна, Бурлемон уже никак не мог утверждать, будто ему не было известно о существовании соответствующего ордонанса французского короля.

Правда, и тут Бурлемон попытался заранее подготовить обходные пути. Он то и дело ставил в качестве капитана «Принцессы Эмилии» своих помощников—«лейтенантов» Гийона и Бреньоля, которым перепоручал выполнение своих каперских функций. Поэтому на довод армян, что их судно было захвачено его военным кораблем на том же основании, что и другие, Бурлемон отвечал, что хотя во всех случаях приз брал один и тот же военный корабль, он выполнял различные поручения, действуя на основании различных каперских патентов: «ничто не мешает, чтобы корабль, который использовался в одной совершенной экспедиции на службе иностранного государя, был использован на службе своего короля и законного государя»⁵. Исходя из этого тезиса, Бурлемон стал сослаться на то, что при захвате других судов в качестве капитана «Принцессы Эмилии» действовал другой человек. Каперские полномочия Гийона не имеют ничего общего с каперскими полномочиями Бурлемона. Это разные люди и призы брались ими в разное время—утверждал он. Тогда армяне представили доказательства службы Гийона по найму у Бурлемона—владельца частной военной службы—расписку в получении 10 тысяч ливров, уплаченных Бурлемоном капитану Гийону за службу на этом

⁴ Там же, App. II, 214.

⁵ Там же.

корабле во время двух каперских экспедиций— в одном случае в качестве лейтенанта, а во втором—капитана, с переводом патента на имя Гийона. Такая передача, по словам армян, говорила «не о наличии двух разных каперских патентов, а об одном патенте—том, который получил Бурлемон и на основании которого захватил армянское судно»⁶.

Доказав таким образом, что при захвате этих судов, как и при захвате «Мерканте Армено», Бурлемон действовал под французским флагом в качестве капера французского короля, армяне приступили к следующей стадии: доказательству незаконности захвата их судна на основании французских каперских полномочий. Эта цель достигалась при помощи различных правовых средств. Одним из них было использование судебного прецедента в аналогичных случаях захвата Бурлемоном указанных выше других судов. Если их захват, совершенный Бурлемоном на том же основании, был признан незаконным, то та же правовая квалификация применима и к захвату армянского судна. С этой целью на более поздней стадии армяне приобщили к своему делу жалобу голландцев на незаконные действия Бурлемона, свидетельство о взятии в открытом море их корабля под флагом Франции и копию судебного постановления Государственного совета от 5 мая 1650 г. о неправомерности захвата «Пророка Самуила» с приказом о возвращении судна находившимися на нем грузом⁷.

Вместе с тем, при всей всеомости ссылки на прецедент, армянские купцы в основу юридического обоснования своего иска положили доказательство незаконности захвата своего торгового судна. Выступая, в силу своего политического положения поработенной нации, за признание свободы судоходства для всех народов и предпочитая там, где это возможно, выступать под своим—армянским флагом, армянские купцы в критических ситуациях прибегали к поддержке тех государств, подданными которых они состояли. В данном конкретном случае армянские купцы должны были строить защиту своих интересов, исходя из своей государственной принадлежности Оттоманской империи. Соответственно, законность приза неизбежно должна была определяться с учетом межгосударственных отношений между Францией и государством, подданными которого являлись армянские купцы— владельцы судна и груза. Поэтому вопрос об их национальности в смысле государственной принадлежности приобрел решающее значение.

Бурлемон, само собой разумеется, выступил против довольно распространенного тогда обращения с армянами как с отдельной нацией: «До сих пор это было просто неслыханно, чтобы здесь принимали всяких людей под общим именем какой-то нации и давали им возможность открыто и публично притеснять такого благородного человека с положением, каковым является сир шевалье де Бурлемон»⁸.

В еще большей мере Бурлемона не устраивало обращение с армянами как с подданными султана Оттоманской империи, с которой Франция в 1604 г. заключила международный договор, регулировавший торговые отношения между ними. «Придавая соблюдению этого договора важное значение международно-правового средства защиты, армяне вместе с другими документами приложили к делу и соответствующее извлечение из его текста»⁹.

⁶ Там же, с. 219; VI, с. 255.

⁷ Там же, App. III, p. 232; VI, p. 251, 252.

⁸ Там же, App. I, p. 199.

⁹ Там же, App. VI, p. 251.

Если раньше, когда Бурлемон добивался оценки приза на основе английского каперского патента, он пытался доказать, что судно и груз принадлежали «мятежным» англичанам, то теперь, когда стало уже невозможно оспаривать их принадлежность армянам и приз мог рассматриваться только на основе французского каперского патента, он перестроил свою защиту, утверждая, что его противники являются подданными не турецкого султана, а персидского шаха: «эти лживые армяне, — говорил он, — не имеют права утверждать, что являются подданными великого государя, с которым Франция находится в союзных отношениях, и что они приезжают в это королевство (Францию) для ведения торговли, тем более, что все это неправда и вымышленно»¹⁰.

Учитывая, что Армения была разделена между Османской империей и персидским царством, между которыми велись нескончаемые войны из-за обладания ею, и поскольку правители Персии, начиная с шаха Аббаса I, предоставляли армянам торговые привилегии, Бурлемон пытался представить владельцев «Меркаите Арменю» и его груза как «персов»: «...видно, что все они являются подданными персидского царя и что их товары происходят из подвластных ему стран и были привезены в Смирну на верблюдах». По словам Бурлемона, «эти самозванцы, которые во всеуслышание ссылаются на оной союз и конфедерацию, на самом деле не состоят в таких отношениях ни с Францией, ни с Англией». Те же, кто поддерживают армян, лишь «по незнанию выставляют Договор, заключенный между Францией и великим государем, полагая, что нет больше в Леванте других держав, кроме Османской. Они должны знать, что есть еще персидский царь, который простирает свое господство до самой Армении, и который не является ни союзником, ни конфедератом, и, следовательно, его подданные не имеют вовсе права торговли ни во Франции, ни в Англии, а их товары могут быть взяты в приз французами и англичанами»¹¹.

Стремясь по существу обосновать морской разбой, Бурлемон утверждает, что, якобы, по международному праву свобода торговли и мореплавания допускается только между государствами, находящимися друг с другом в оформленных договорами «союзных» или «конфедеративных» отношениях.

Бурлемон ссылаясь на институт постлиминия в римском праве, согласно которому при отсутствии договора о дружбе иностранцы, прибывшие на территорию Рима, могли быть обращены в рабство, а захваченное на этой территории иностранное имущество могло быть обращено в собственность захватившего. Все это нужно было Бурлемону для обоснования тезиса, что «Франция и Англия состоят в таких отношениях с персидским царем и, следовательно, подобно тому, как персы могут безнаказанно захватывать и грабить, так и французы и англичане могут захватывать персов и отнимать у них то, что им принадлежит»¹².

Вместе с тем, опасаясь, что армяне смогут доказать свое османское подданство и тем самым лишат его возможности распространения на них действия права войны того времени, Бурлемон выдвинул дополнительный аргумент, направленный на то, чтобы изъять дело из-

¹⁰ Там же, App. I, p. 196.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 197.

под действием франко-турецкого договора. Он сводился к утверждению, что груз не предназначался для доставки во Францию: «живые армяне не имели намерения направиться сюда»,—говорил корсар, ссылаясь на то, что документы свидетельствовали о намерении причалить в Ливорно¹³. Из этого по Бурлемону следовало, что армяне не имели права на совершение плавания и их можно было захватить.

Методично, факт за фактом, армяне показывали заведомую лживость версии Бурлемона. Они представили все необходимые доказательства своего оттоманского, а не персидского подданства. Были представлены документы, подтверждавшие, что именно они являлись собственниками двух третей судна и основной части перевозимого груза. К делу, в частности, были приобщены копии коносамента, полисов, поручения Антона Погоса Челеби английскому купцу Колеру купить для него судно в Ливорно, удостоверения, подтверждающие факт погрузки груза армянским купцом в Смирне, заверенные французским консулом в этом портовом городе и секретарем посольства в Константинополе. Тем самым Бурлемон был лишен возможности обосновать захват на основе национальности судовладельца и владельца перевозимого груза.

Должное внимание было уделено и опровержению перестраховочного тезиса Бурлемона об оказании сопротивления, который он считал беспробитным при любой национальности своей жертвы. Армяне представили свидетельства, что их невооруженное торговое судно не оказало и не могло оказать сопротивления всенному кораблю француза, но что сам Бурлемон, для оправдания незаконного захвата их судна, преднамеренно создавал видимость сопротивления, прибег к насилию. Согласно показаниям армян, на борт бросилось 400 человек команды корсара и в результате из армян 4 были убиты, многие ранены или выброшены за борт. Эти показания были подкреплены свидетельствами, подтверждавшими плохое обращение Бурлемона и с другими захваченными им судами¹⁴.

Теперь, когда факты были установлены, суду оставалось только дать им соответствующую оценку на основе применимого права. Если Бурлемон, браня армян, призывал «не слушать их больше и выслать за море с запретом принимать в дальнейшем во Франции»¹⁵, то армяне настаивали на судебном осуждении пиратского захвата их судна. По словам Бурлемона, «армяне протестуют против приза с такой дерзостью и хитростью», что теперь он должен опасаться не их оружия, а их ухищрений, при помощи которых они хотят поставить под сомнение его невиновность и представить его действия как преступление, караемое смертной казнью¹⁶.

Квалифицируя действия Бурлемона как тяжкое преступление, армяне настаивали на том, чтобы ему было отказано в судебном слушании до того, как он будет подвергнут аресту.

Несмотря на однозначность действий Бурлемона, как акта морского разбоя, решение адмиралтейского суда в Тулоне носило половинчатый характер. Признавая французскую юрисдикцию, суд не делал должных выводов, тянул с решением. Эта непоследовательность и колебания французского правосудия объяснялись поддержкой той

¹³ Там же, с. 196.

¹⁴ Там же, App. II, p. 216—217;

¹⁵ Там же, p. 176—177.

¹⁶ Там же, с. 169, 175.

части французского купчества и французских судовладельцев Марселя и других портовых городов юга Франции, которые давно уже опасались конкуренции армянского купчества, ввозившего в страну в огромных количествах шелк-сырец и другие восточные товары. В противоположность правительству и королевской казне, которые получали большую выгоду от торговой деятельности армянских купцов и поэтому всячески способствовали ее росту, эта часть французского купчества стремилась ограничить ее, создав для нее неблагоприятные условия. Что же касается французских судовладельцев, то они, подобно английским, голландским и другим европейским судовладельцам, стремились перехватить фрахт армян, лишив их возможности ввозить товары на своих судах. Достижению их цели также способствовал бы переход левантийской торговли в руки французских купцов.

Эта линия французского купчества на ограничение, как и прямо противоположная линия правительства на поощрение торговой деятельности армян во Франции, имела исторические корни. Когда армяне, налаживая торговлю в Марселе, стали в начале царствования Людовика XIII большим числом прибывать в этот портовый город и даже обосновываться там, это вызвало противодействие со стороны местных купцов: «Марсельцы, обеспокоенные активностью этих новых конкурентов, добились запрещения армянам привозить свой шелк в Марсель»¹⁷. Эта линия проявилась и в том, что по жалобам торговой палаты Марселя мэрия города опубликовала 12 декабря 1622 г. распоряжение, которым французским судовладельцам строго запрещалось перевозить на своих судах из Леванта в Марсель или из Марселя в Левант товары армянских купцов. За нарушение этого запрета устанавливался штраф в 10 тыс. золотых. Такие же запреты были обнародованы властями Прованса и Тулона¹⁸. Положение изменилось после того, как фактическим правителем Франции стал кардинал Ришелье, возглавивший королевский совет и непосредственно занимавшийся вопросами торговли и навигации. В результате организованных армянами дипломатических мер 23 ноября 1629 г. было обнародовано распоряжение короля Людовика XIII и кардинала Ришелье о праве свободного доступа армянских купцов в Марсель¹⁹. Меры поощрения армянских купцов, принятые «великим метром и генеральным суперинтендантом навигации и торговли Франции» привели к резкому росту международной торговли Марселя²⁰.

Затем на некоторое время вновь взяла верх линия тех купцов, которые по выражению протезе и преемника Мазарини—Кольбера «не пошмали, в чем заключаются их интересы»²¹. Сперва в 1634 г., а потом и в 1650 г., т. е. уже в то время, когда дело армян против Бурлемона рассматривалось в Государственном совете Франции,

¹⁷ P. Masson, Histoire du commerce français dans le Levant au XVII-e siècle, Paris, 1896, p. 41.

¹⁸ F. Macler, Notes de manuscrits arméniens ou relatifs aux Arméniens vus dans quelques bibliothèques de la péninsule et du sud-est de la France (Revue des Etudes Arméniennes, т. II, Paris, 1922).

¹⁹ Г. Алишан, Сисван, Венеция, 1893, с. 456 (на арм. яз.).

²⁰ F. Macler, Autour de l'Arménie, Paris, 1917, p. 45.

²¹ Из письма Кольбера, направленного председателю Верховного суда Марселя, в котором великий финансист Людовика XIV просит защитить торговые интересы армян См.: Н. Каграманян, Страницы истории армяно-французских культурных связей (Армения сегодня, Ереван, 1968, № 5, с. 7).

власти Марселя установили 50-процентную пошлину на товары армян²². Вот на эти круги и ориентировался Бурлемон, призывая коронованные особы действовать солидарно не только против «бунтовщиков» — республиканцев, но и против «левантинцев», которые, по его убеждению, имеют право на ведение морской торговли только в том случае, если находятся в «союзных» или «конфедеративных» отношениях с ними.

Бесцеремонно используя огромные средства, оказавшиеся в его распоряжении в результате захвата армянского купеческого судна и его испорченного груза, для подкупа судей французского адмиралтейства и местных должностных лиц в Марселе и Тулоне, Бурлемон пытался сначала не допустить нового производства по призовому делу во французском суде, или, на худой конец, добиться решения о законности приза.

Видя, что подкупленные Бурлемоном должностные лица в Тулоне и Марселе саботируют правосудие, армянские купцы перенесли дело непосредственно в Государственный Совет — высшую судебную инстанцию Франции, где это дело стало предметом целого ряда постановлений: 28 апреля, 11 мая и 1 декабря 1650 г., 14 февраля, 6 марта и 23 сентября 1651 г. Уже сам этот перечень постановлений Государственного совета свидетельствует о продолжении острой борьбы, в которую были вовлечены король и его министры. Политическим спекуляциям пиратствующего монархиста, рассчитанным на поддержку французских роялистов и противников равноправной взаимовыгодной международной торговли, были противопоставлены четкие правовые действия армян, основанные на реалистической оценке сил.

Обратившись за правосудием в Государственный совет, армянские купцы стали делать особый упор на необходимость предотвращения дальнейшего расхищения своего имущества Бурлемоном и пресечения самой возможности преступного воздействия на правосудие. С этой целью они потребовали, во-первых, принятия предварительных мер охраны своего имущества, представив документы, свидетельствовавшие о растрате и продаже груза, находившегося на захваченном корабле. Собственно Бурлемон и не скрывал, что «распорядился призом по своему усмотрению после его присуждения решением суверена»²³. Он имел в виду решение английского адмиралтейского суда. Но поскольку дело было принято к рассмотрению во французском суде, а он не вынес решения о присуждении приза, признание Бурлемона лишь подтверждало незаконность распоряжения чужим имуществом.

Наложением ареста на захваченное Бурлемоном имущество, армянские купцы добивались не только обеспечения своих законных имущественных интересов: если бы им удалось лишить корсара возможности распоряжаться награбленным имуществом для подкупа должностных лиц, это способствовало бы объективному и беспристрастному рассмотрению дела. Более того, в качестве другой меры, связанной с характером самого преступления, армянские купцы требовали предварительного ареста Бурлемона.

Перенеся решение спора в Париж, армяне явно рассчитывали на объективность, более того — на сочувствие и благожелательность первого министра Людовика XIV — кардинала Мазарини, который также, как и его предшественник на этом посту — кардинал Ришелье,

²² H. Samuëlian, *Les Arméniens en France depuis les origines jusqu'à nos jours* Le Foyer, III-e année № 35, Paris, 1-er Avril 1930.

²³ Nouvelle mosaique..., App. III, p. 222.

проводя линию на развитие внешней торговли Франции, делал ставку на привлечение армянского купечества. В этой связи следует отметить, что во Франции, как и в России и других странах, само армянское купечество активно добивалось поддержки посетителей государственных интересов. С этой целью оно, в частности, организовало разъяснение значения своей торговой деятельности для Французского королевства. Об этом свидетельствует и написанное во времена Мазарини специальное «исследование о торговле армян во Франции, в котором рассматривались меры, которые должны быть приняты во Франции, чтобы «вернуть» армян в Марсель»²⁴. В своих расчетах на поддержку Мазарини армянские купцы учитывали, конечно, и его внешнеполитический курс. Они понимали, что Мазарини не мог поддержать враждебную кампанию против армянских купцов и потому, что в данном случае дело касалось подданных Оттоманской империи, с которой у Франции были особые договорные отношения. Мазарини в своих планах достижения гегемонии Франции в Европе придавал договору с ней такое значение, что недруги обвиняли его даже в «сговоре с турком» и говорили, что «если ему позволят, то он отдаст турку всю Европу»²⁵.

Передача дела в Государственный совет Франции Бурлемона не испугала. Он нашел защитников и в самом Париже, использовав оправдавшие себя методы воздействия на судей адмиралтейства в Тулоне и представителей властей Марселя. Теперь он стал подкупать королевских министров и членов Государственного совета. Под воздействием этих лиц постановления Государственного совета и предписывавшиеся им меры носили противоречивый характер. И здесь, как и в Тулоне, корсара и его жертву поставили на одну доску: король и его совет рассматривали иски сторон на равной основе. Так, по заявлениям армянских купцов — с одной стороны, шевалье де Бурлемона и де ля Борда — с другой, Государственный совет вынес 11 мая 1650 г. постановление, в котором король, прежде чем осуществить правосудие, приказал, чтобы в течение одного месяца ему было доложено «о всех производствах, возбужденных по этому делу армянами в адмиралтействе Франции и шевалье де Бурлемона и де ля Бордом в адмиралтействе английского короля на о. Джерси». Вместе с тем, в подтверждение королевских ордонансов от 7 сентября 1649 г. и 1 февраля 1650 г., король потребовал от всех своих подданных неукоснительно придерживаться политики нейтралитета «между двумя сторонами в Англии». Всем французам категорически запрещалось оказывать какую-либо помощь или содействие одной из сторон во внутреннем конфликте, приобретать что бы то ни было из призов, взятых одной из сторон у другой под угрозой конфискации. Под угрозой того же наказания запрещалось привозить или принимать в портах французского королевства какие-либо товары, происходящие из этих призов, «в том числе и взятых шевалье де Бурлемоном и де ля Бордом у армян». Ко-

²⁴ *Memoire et relation d'un voyageur qui a esté en Perse et Armenie, faisant la relation de ces pays et commerce qu'on y peut faire ainsi qu'aux grandes Indes. Mogol, la Chine, Moscovie, Turque. Traitté du négoce qui se peut faire en France par les Arméniens.*—Les sortes de marchandises que les Arméniens peuvent apporter en France du Levant. Опубликовано Ш Шефером в кн: L. P. Raohaël Du Mans, *Estat de la Perse en 1650. Publie avec notes et appendice par Ch. Scheier*, Paris 1820, № XLV, p. 342—353.

²⁵ André Maurais, *A history of France. Translated from the French. Minerva press, New York, 1968, p. 199.*

роль разрешил этим армянам взять и наложить арест на все принадлежащие им и носящие их знаки товары, если они будут найдены в портах Франции или если они будут находиться на борту взятых кораблей с тем, чтобы они находились под секвестром до окончательного распоряжения²⁶.

Таким образом, принятие окончательного решения о возврате незаконно захваченного судна и его груза затянулось. Выполнение же этого и последовавших промежуточных судебных постановлений Государственного совета и сопровождавших их ордонансов короля саботировалось друзьями корсара в Тулоне и Марселе, а между тем он продолжал распоряжаться имуществом армян по своему усмотрению.

Видя, что преодолеть хорошо организованное противодействие Бурлемона при помощи французского правосудия не удастся, армянские купцы обратились к крайним средствам. В отличие от Бурлемона, который искал сочувствия титулованной знати, армянские купцы, изывая к чувству справедливости широких народных масс, вынесли спор на улицы французской столицы. Армяне,—жаловался Бурлемон,—«привлекают сегодня внимание в Париже своим бунтарским криком»²⁷. Они, по словам Бурлемона, приняли очень энергичные меры, «вплоть до изготовления плакатов и афиш, в которых они посягали на честь и репутацию государственных министров и наиболее значительных лиц из королевского совета, считая это верным способом добиться благоприятных для себя постановлений»²⁸.

Армяне апелировали прежде всего к деловым кругам, заинтересованным в их помощи для развития левантийской и ост-индской торговли и прежде всего к той части французского купечества, которая была уже связана с ними торговыми интересами. Из жалоб пиратствующего шевалье ясно видно, что армянам действительно удалось привлечь на свою сторону общественное мнение: «беспорядок дошел до того, что в умах некоторых людей, находящихся под их влиянием, достаточно назвать себя армянами, чтобы иметь право требовать то, что им не принадлежит»²⁹. Признавая, по существу, что общественное мнение на стороне армян, Бурлемон дает более чем оригинальное объяснение успеху их кампании протеста: «на умонастроение народа повлияла новизна их (армян) одежды». Он негодует, что ему приходится считаться с общественным мнением: «сир де Бурлемон не должен защищать свое дело перед беспокойной толпой, которая легко дает увлечь себя криками и гримасами»³⁰.

Наряду с мерами, направленными на мобилизацию общественного мнения страны, армянские купцы пустили в действие и международные средства защиты, включавшие политическое давление со стороны государства, в подданстве которого они состояли. Возможность использования таких средств, мало доступных рядовым купцам, в данном случае была связана с тем, что собственник судна и большей части груза Антон Погос Челеби был по должности главным таможенником султана Османской империи во всех портах Анатолии. Еще более высокую должность великого таможенника султана занимал его брат, принявший мусульманство Хассан Ага—«армянин по нацио-

²⁶ Nouvelle mosaïque..., / рг IV, р. 23—240.

²⁷ Nouvelle mosaïque..., Ар. I, р. 194.

²⁸ Там же, с. 174.

²⁹ Там же, с. 194.

³⁰ Там же, с. 174.

нальности, турок по религии». Будучи заметной фигурой в правительстве султана, Хассан Ага пожаловался великому визирю, что судно его брата захвачено под флагом французского короля в нарушение международного договора и поставил вопрос о применении репрессалий против французских купцов, торгующих в Османской империи. Армяне считали, что поскольку дело подпадает под французскую юрисдикцию, отказ в правосудии во французском суде дает им право требовать репрессалий со стороны государства, подданными которого они являются.

Используя свое положение, Хассан Ага добился поддержки великого визиря, получив от него категорический приказ о направлении к французскому королю специального посланца с миссией «потребовать возвращения» захваченного судна и груза³¹. Для выполнения этого поручения был назначен Винченцо Кастелли, поддерживавший с армянами деловые связи и, в частности, выступавший в роли торгового агента Антона Погоса³².

Обеспокоенные нависшей угрозой, «все французские купцы, подданные французского короля, находящиеся в Леванте», просили через своего посла при Блистательной Порте принять срочные меры для такого решения вопроса, которое «способствовало бы смягчению тяжести репрессалий, которые турки грозятся применить против них»³³. Разделяя их опасения, французский посол через Винченцо Кастелли направил губернатору Портолонга, где по его предположению находились судно и груз, специальное письмо, в котором настаивал на их возвращении армянам. К письму прилагались копии документов, заверенные заведующим канцелярией посольства и удостоверявшие, что судно было загружено в Смирне товарами Погоса Челеби. Указывалось также, что захват судна и его груза имел место у побережья Франции без боя, ибо трудно предположить, чтобы торговое судно, не имевшее пушек, могло оказать сопротивление военному кораблю, вооруженному 60 пушками и имевшему на борту 400 или 500 человек команды. В письме подчеркивалось, что проявление правосудия по отношению к пострадавшим армянским купцам позволит «предотвратить неудобства, которым неминуемо подвергнутся, в результате репрессалий французские купцы, подданные его величества, в ущерб торговле королевства»³⁴.

Когда по прошению, поданному армянами на имя Людовика XIV и учтывавшему представления специально присланного от великого визиря Винченцо Кастелли, дело было вновь рассмотрено в Государственном совете в присутствии самого короля, армяне довели до сведения Совета, что предоставленное им королем «правомочие изъять свои товары и судно из рук тех, кто их захватил» и его приказ, адресованный тем, «у кого они оказались», вернуть их армянам «остались бесполезными из-за нежелания служащих таможни Тулона и Лиона подчиниться». Поэтому армяне просили короля «приказать, «чтобы захваченное сиром шеваье де Бурлемоном судно под названием «Мерканте Армено» со всем своим грузом, принадлежащее упомянутому Челеби, было возвращено в натуре или была возмещена их стоимость в деньгах и чтобы исполнение было обеспечено всеми средствами вплоть до применения силы». Армяне настаивали, чтобы этот

³¹ Nouvelle mosaique ... App. Ier, p. 236.

³² Там же, App. I, p. 192.

³³ Там же, App. IV, p. 236.

³⁴ Там же, с. 237.

приказ подлежал исполнению «безотносительно к возражениям, апелляциям, отводам, привлечению должностных лиц суда к ответственности с целью возмещения причиненного по их вине материального ущерба и любым другим препятствиям». При этом представитель армян и посланцев великого визиря Винченцо Каstellи просил французского короля, «прислать ему ответ в письменной форме», мотивируя это желанием иметь доказательство своего прилежания³⁵.

В постановлении от 31 августа 1650 г., вынесенном «королем в Совете» и скрепленном печатью королевской канцелярии, вновь подтверждался нейтралитет Франции во внутреннем конфликте в Англии и в соответствии с предшествовавшим постановлением от 11 мая 1650 г. в нем также предписывалось, чтобы в течение одного месяца, предусматриваемого па все возможные отсрочки, все документы и действия, совершенные армянами во французском адмиралтействе в Провансе и шевалье де Бурлемоном в адмиралтействе короля Англии на о. Джерси, были доставлены в канцелярию Государственного совета для рассмотрения назначенным для этой цели комиссаром. В категорической форме указывалось, что если одна из сторон не выполнит это требование, дело должно было быть решено на основании тех документов, которые будут представлены, без необходимости другого постановления.

Король вновь подтвердил данное армянам разрешение по формуле: «разрешил и разрешает» взять и наложить арест на судно и товары, принадлежащие им и носящие их торговую марку и которые, как они утверждают, были захвачены у них шевалье де Бурлемоном. Устанавливался ясно выраженный запрет всем, кто будет иметь в своем владении принадлежащие армянам судно и груз, передавать их другим лицам «под угрозой возмещения их стоимости, расходов, ущерба и упущенной выгоды» их собственнику Антону Погосу Челеби. Это постановление подлежало исполнению «безотносительно к возражениям, апелляциям, отводам и привлечению должностных лиц суда к ответственности с целью возмещения причиненного по их вине материального ущерба». Его исполнение возлагалось на первого председателя счетной палаты, генерал-лейтенанта морского флота в Провансе и на всех других должностных лиц. Постановление Государственного совета подкреплялось приказом короля Людовика XIV своим советникам, первому председателю счетной палаты и генерал-лейтенанту морского флота в Провансе и другим должностным лицам, которым поручалось обеспечить исполнение постановления по той же формуле: «безотносительно к противодействию, апелляциям, отводам и привлечению должностных лиц суда к ответственности с целью возмещения причиненного по их вине материального ущерба». Всем заведующим канцелярией судов, их клеркам, служащим и «всем, кого это может касаться», предписывалось, чтобы они, «не ссылаясь на незнание», выполнили приказ в установленный срок³⁶.

Через полгода—6 марта 1651 г. было вынесено новое, по идее тоже окончательное, постановление «короля в Совете», принятое в присутствии матери-регентши. Причина появления этого постановления исчерпывающе изложена в его преамбуле: «несмотря на вынесенные с этой целью многочисленные постановления, армянские купцы не смогли вернуть отнятые у них товары из-за преступного сговора

³⁵ Там же, с. 237—238.

³⁶ Там же, с. 241—243.

некоторых должностных лиц портов и многих лиц, которые оказались заинтересованными в призе этих товаров и которые создали много препятствий, в результате которых армяне не могут надеяться на реституцию своих товаров без обжалования в Государственном Совете». Это постановление Государственного совета предписывало «принудить шевалье де Бурлемона, Ла Борда и Кретьена, прозванного Латуш, путем лишения их свободы вернуть указанным армянам эти товары в натуре или возместить их стоимость согласно оценке, произведенной лионским судьей-хранителем имущества». Особо указывалось, что «должны быть принуждены к реституции этих товаров все те, кто их послал, продал, получил или купил». С этой целью все сделки о купле-продаже и иных видах распоряжения товарами, востребованными армянами после 1 марта 1650 г., были объявлены недействительными. Надлежало принять меры к выяснению, какими путями и от кого они попали в руки их фактических обладателей, имена лиц, приславших или продавших эти товары. В отношении же шелка, составлявшего значительную часть захваченного имущества армян, предписывалось, чтобы лица, обладавшие им, представили должным образом оформленные оправдательные документы, подтверждающие доставку этого шелка на других торговых судах, прибывших из Леванта или из Ливорно. В категорической форме провозглашался запрет всем лицам участвовать прямо или косвенно в изменении принадлежности этих товаров и утаивать под страхом быть объявленным виновным и соучастником указанных растрат и быть «солидарно приговоренным» к их реституции³⁷. Исполнение этого постановления возлагалось на судью-хранителя имущества Лиона или королевского судьи по гражданским делам Марселя, распоряжения которых подлежали «беспрекословному исполнению без права возражений или апелляций»³⁸.

Последнее в целой серии постановлений Государственного совета по рассматриваемому делу было принято 23 сентября 1651 г.³⁹. Обращает внимание, что оно было вынесено «по иску брата во Христе Анри д' Англиур де Бурлемона, рыцаря Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, основанному на его заявлении, последовавшем за Постановлением Совета от 28 апреля 1650 г.⁴⁰ против армянских купцов и по иску армянских купцов, также основанному на их заявлении, последовавшем за Постановлением от 28 апреля 1651 г., против шевалье де Бурлемона». Действуя в качестве жалобщика, Бурлемон добивался, чтобы вопреки прежним постановлениям Государственного совета он был освобожден как от действия основанного на них декрета о принуждении силой, так и от решений, вынесенных в пользу армян. Согласно заявлению Бурлемона должно было остаться в силе только постановление короля Англии. Это наглое и бесцеремонное даже по отношению к своему королю требование французского шевалье очевидно следовало бы поставить в прямую связь с неблагоприятным для Мазарини поворотом событий: парижский парламент объявил первого министра врагом государства и ему дважды пришлось покидать Францию: сперва в 1651, а затем и в 1652 году.

³⁷ *Nouvelle mosaïque...* App. V, p. 215—216.

³⁸ Там же, с. 246—247.

³⁹ Там же, App. VI, p. 247—258.

⁴⁰ Дата по тексту публикации Ф. Маклера. Вероятно, должно быть 28 апреля 1651 г.

Армянские купцы, напротив, настаивали на аресте Бурлемона и исполнении принятых ранее постановлений Совета. Они требовали также начать следственное производство и возбудить судебный процесс против купцов, купивших у Бурлемона незаконно захваченные им товары.

Действуя в качестве высшей судебной инстанции, «король в своем Совете» принял наконец окончательное решение, «осуществляющее правосудие». Это постановление Государственного совета Франции признало неправомерность решения адмиралтейского суда английского короля и квалифицировало действия Бурлемона в отношении захвата армянского судна и его груза как «ограбление». Король в своем Совете «присудил» Бурлемона к «возвращению и реституции указанным армянским купцам всех захваченных у них товаров и других товаров, которые армяне докажут, что они принадлежали им и находились на борту корабля «Меркапте Армено» во время захвата последнего или их стоимости, справедливо установленной в соответствии с оценкой...».

Поскольку в течение двух лет, прошедших со времени незаконного присвоения судна и его груза, Бурлемон, не считаясь с многочисленными постановлениями королевского совета, распоряжался имуществом армян по своему усмотрению, Государственный совет, во исполнение своего же постановления от 6 марта 1651 г. вновь подтвердил, что «все те, кто послал, продал, получил или купил указанные товары вопреки запретам, установленным декларациями его величества короля и после их опубликования, также будут принуждены к реституции или к уплате их справедливой стоимости». Поэтому обладателям товаров, востребованных армянами, предписывалось представить таможенные, транспортные и иные документы для подтверждения своих законных прав. При наличии же доказательств принадлежности этих товаров армянам «всем тем, кто получил, купил или обменял» их, предписывалось объявить имена тех, кто им продал или прислал этот товар. Подтверждалось также, что лица, повинные в изменении принадлежности этих товаров и их утайке, будут нести ответственность и «солидарно приговорены» к их реституции. На Бурлемона возлагалось также возмещение ущерба, упущенной выгоды и издержек армянских купцов в сумме 20 тысяч ливров.

Судя по всему, армянским купцам и судовладельцам не удалось добиться, чтобы Бурлемона, как пирата-преступника, посадили в тюрьму. Тем не менее энергичной и умелой защитой своего права, глубоким знанием и правильным применением норм международного морского права в интересах свободы международного судоходства они не только добились признания своих законных прав и интересов, но и развенчали кичливого шеваляе, который предстал в конечном счете как пират, как обыкновенный морской разбойник.

ՄՈՎԱԶԵՆ ԴԸ ԲՈՒՐԼԵՄՈՆԻ ԿՈՂՄԻՑ «ՄԵՐԿԱՆՏՈ ԱՐՄԵՆՈՆ»
ԶԱՎԹԵԼՈՒ ԴԱՏԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸ

(ծովահենության դեմ հալածողական քննության միջոցով պայքարի պատմությունը)
ՅՈՒ. Գ. ԲԱՐՍԵՂՅԱՆ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

XVII դ. հայ-ֆրանսիական առևտրական հարաբերությունների մեջ առևտրի միջազգային իրավունքի տեսակետից ուշագրավ միջադեպ է հայկական «Մերկանտո արմենո» առևտրական զավթելուն վերաբերող դատական գործը: 1647 թ. սեպտեմբերին գրավելով առևտրական և յուրացնելով նրա բեռը, ծովահեն զբոսորդները (որին տրված էին ֆրանսիական և անգլիական գրավման արտոնագրեր) իր բռնի գործողությունները հիմնավորում էր բաց ծովում բրիտանական գերիշխանության նորմերի տեսակետից: Արևմտահայ վաճառականները, ընդհակառակն, հանդես էին գալիս որպես բաց ծովի ազատության պաշտպաններ և Բուրլեմոնին մեղադրում որպես ծովահենի:

Ֆրանսիական դատարանում նրանք ցուցաբերեցին միջազգային ծովային իրավունքի խոր իրազեկություն: 1651 թ. Ֆրանսիայի Պետական խորհուրդը ճանաչեց նրանց օրինական իրավունքներն ու շահերը և ծովահենին հարկադրեց հատուցել հասցրած վնասը: